

Борис Архипович Рожков

Оуэнизм в отношении к чартизму

Мне уже приходилось писать об идейной борьбе между оуэнистами и чартистами¹. В данной работе хотелось бы попытаться объяснить общий смысл перехода от оуэнизма к чартизму.

Вряд ли кто-нибудь из современников мог предположить, что так противоречиво сложатся отношения между оуэнистами и чартистами. Еще вчера они шли рука об руку в организации коммунистических опытов, в учреждении кооперативных обществ и тред-юнионов, единодушно признавая Оуэна идейным учителем. Но вот в чартизме рабочий класс самостоятельно выступил против капиталистических порядков, которые так решительно критиковал Оуэн, и это выступление показалось оуэнистам неприемлемым. Взгляд оуэнистов застыл на кажущемся противоречии чартизма коммунистической идее Оуэна, что и поменяло первым осознать коммунистическую природу поднявшегося на самостоятельную борьбу рабочего класса, оттолкнуло их от чартистов.

Сами оуэнисты готовы были оправдать свое отношение к чартистам чем угодно, только не неудовлетворительностью собственной позиции, тогда как именно в ней и состояла причина, помешавшая оуэнистам понять дальнейшее развитие. Оуэнизм возник при отсутствии исторического материала для соединения коммунистической идеи с освободительной борьбой рабочих. Конечно, крупное машинное производство, давшее Оуэну основание для вывода о необходимости замены капитализма коммунизмом, создавало и коммунистический по своей природе класс — фабрично-заводских рабочих, но этот класс в тот момент не сознавал своей исторической миссии и самостоятельно не выступал. Более того, из всех тогдашних классов пролетариат казался менее всего подходящим для восприятия коммунистических идей: в массе своей рабочие ютились в лачугах, ходили в лохмотьях, надрывались и гибли от непосильного труда, постоянно недоедали, в страхе перед голодной смертью продавали в фабричное рабство детей — короче, находились в таком бедственном положении, что одно лишь сострадание вызывали к себе. Не удивительно, что Оуэн

¹ Б. А. Рожков. Идейная борьба между оуэнистами и чартистами.— В кн.: «История социалистических учений». М., 1962.

не мог и предположить, что его учение выразило интерес этого страждущего класса. Позже о своем отношении к рабочим в период разработки коммунистического учения Оуэн писал: «Я совершенно не имел дела с рабочими классами на общественной почве.. Они в это время были чужды мне и всем моим взглядам и стремлениям»². Все же другие классы были враждебны коммунизму по самой природе. При отсутствии в тогдашней действительности общественной силы, способной действовать по-коммунистически, Оуэн вынужден был свою теорию как бы возвысить над реальной действительностью и придать ей абстрактную, утопическую форму. Видный деятель оуэнизма Ллойд Джонс подчеркивал: «Социализм не предлагает своих принципов какой-либо партии, он обращает их к самому себе... Поэтому мы, социалисты, ни от кого не зависим, мы полагаемся исключительно на самих себя»³.

Отсюда поразительное непонимание Оуэном и оуэнистами современной им классовой структуры общества и борьбы между классами. Оуэну ничего не стоило сегодня обратиться с коммунистическими проектами к английской королеве, завтра — к иным монархам, послезавтра — заняться с рабочими устройством коммунистических общин и национальных коммунистических базаров. Неудачи мало тревожили его и ничему не учили, так как он относил их не к неудовлетворительности собственной теории⁴, а к ничтожности тех, кому направлялись коммунистические проекты.

Однако в отличие от всех предшествующих коммунистических утопий коммунизм Оуэна был не только продуктом разума, но и обладал самостоятельным бытием в действительности. Это объяснялось тем, что, во-первых, коммунистическая идея Оуэна выразила историческую необходимость в развитии совершенно реального предмета — крупного машинного производства, начинающего побеждать в Англии, а во-вторых, абстрактная форма учения Оуэна соответствовала неразвитому состоянию тогдашнего пролетариата, который сам еще фантастически представлял собственное положение, благодаря чему оно внутри себя содержало, правда, в первоначальном виде, переход к существованию в действительности. В этом смысле принципиальное значение имели коммунистические опыты оуэнистов: учреждение в 1824 г. коммунистической общины «Новая Гармония» в Америке, в 1839 г.—

² Цит. по: Дж. Д. Г. Колл. Роберт Оуэн. М.— Л., 1931, стр. 135.

³ «The Northern Star», 4.XII 1841.

⁴ В оуэнизме эта слепая вера в чудодейственную силу утопической схемы удваивалась за счет не менее слепой веры во всемогущество своего учителя. Члены общины «Новая Гармония», к примеру, на все критические замечания обычно отвечали: «Мы видим только звено или два в великой цепи, тогда как Оуэн видел всю ее. Система разработана им, и он имеет так много знаний и так много опыта, что мы полностью доверяемся ему и ждем должного результата» («Life and Struggles of William Lovett», vol. 1. London, 1920, p. 48).

коммунистической общины «Гармони Холл» в Англии, коммунистических рабочих базаров. Несмотря на всю наивность и фантастичность надежд изменить капиталистические порядки посредством таких опытов, они все же, пусть на миг и в очень ограниченном пространстве, практически указали ту форму, в которой труд становится свободным. Не случайно вслед за этими коммунистическими опытами к Оуэну потянулись широкие массы рабочих. Известно, что в начале 30-х годов участники кооперативного движения признали Оуэна своим вождем, а в 1834 г. под руководством Оуэна более 500 тыс. рабочих объединились в единый национальный тред-юнион.

Но чем ближе угнетенные массы сталкивались с учением Оуэна, тем быстрее разочаровывались они в средствах освобождения труда, предлагаемых оуэнизмом. Рабочие и рады были бы поверить оуэнистскому учению о достижении социализма без борьбы и послушно ждать коммунистического чуда, тем более что они тогда не знали ни своего врага, ни того, что их спасение — в борьбе против буржуазии, — если бы рабочие могли ждать. Если современные рабочие капиталистических стран хотят узнать, что им сегодня без всяких прикрас несет научно-техническая революция, прекрати они хотя бы на миг организованную борьбу против монополистической буржуазии, то пусть они вспомнят положение в 30-х годах прошлого столетия английских рабочих, доведенных до отчаяния и поставленных на грань физического вымирания именно по той причине, что они позволили капиталистам неограниченно пользоваться машиной. Здесь мы не можем подробно касаться этого трагического момента в развитии английского общества, но напомним о нем необходимо, дабы яснее представить, почему рабочие, непосредственно сталкиваясь с учением Оуэна, быстро отходили от него, а их совместные с Оуэном начинания, вроде упомянутого «Великого национального объединения союза производств», распались при первом же соприкосновении с действительностью.

Тут мы подошли к наиболее трудному вопросу. Конечно, если смотреть на переход от оуэнизма к чартизму глазами оуэнистов, то все обстоит очень просто: рабочие, отвернувшись от Оуэна, впали в заблуждение, отреклись от собственного счастья и т. п. Теми же глазами легко обнаружить и виновников «заблуждения» — рабочих-чартистов, ибо это они предложили новые лозунги борьбы. Вывод напрашивался сам по себе: чтобы вернуть рабочих на «истинный» путь, надо оторвать их от чартистов. Именно такой вывод и сделали оуэнисты, показав еще раз неспособность к пониманию реального движения пролетариата.

Какова же была суть перехода от оуэнизма к чартизму? Внешне создавалось впечатление, будто чартизм отвергал в учении Оуэна все: вместо курса введения коммунизма без борьбы объявил беспощадную войну угнетателям; вместо расчетов на денежную помощь со стороны эксплуататоров потребовал отстранения

эксплуататоров от управления нацией; вместо аморфной организации оуэнистов, способной лишь пропагандировать коммунистические принципы, выступил как объединенные рабочего класса в свою особую партию, независимую от буржуазии и способную руководить классовой борьбой рабочих; вместо грандиозных социальных проектов выдвинул скромное по сравнению с ними требование установления справедливой заработной платы за справедливый рабочий день. Что касается самой коммунистической идеи, то она как бы исчезла в реальной деятельности чартистов, замененной борьбой миллионов масс за хартию. Происхождение чартистских принципов известно: в 1831—1832 гг. промышленная буржуазия привлекла рабочих к своей борьбе за политическое господство, обещав им осуществить социальные изменения в интересах трудящихся, как только она получит власть. Но, добившись влиятельного положения в парламенте, промышленная буржуазия забыла свои обещания и стала проводить социальную политику не в интересах рабочих, а против них (учредила ненавистные работные дома, усилила эксплуатацию рабочих и другие беззакония по отношению к трудящимся). Из этого урока будущие чартисты извлекли понимание первостепенного значения политической власти в деле социальных преобразований и по примеру недавних своих союзников повели борьбу за обладание политической властью теперь уже для себя. Таким образом, идея чартизма об освобождении труда посредством завоевания политической власти рабочим классом целиком обязана стихийно развивающейся классовой борьбе пролетариата и неразрывно связана с ней.

Это обстоятельство сделало невозможным восприятие чартизмом утопической коммунистической теории Оуэна. Участники чартистского движения ничего не хотели знать, кроме Хартии. Кто не за Хартию, тот наш враг — так в нескольких словах формулировали свое восприятие действительности сами же чартисты. Лозунг изменился, а восприятие его осталось догматическим. Поэтому, пока этому лозунгу соответствовала революционная обстановка в стране, он успешно выполнял роль величайшего просветителя и организатора рабочих, но, когда после 1848 г. обстановка в стране изменилась, развитие рабочего движения в чартистской форме стало невозможным.

В свете сказанного не только оуэнизм, но и чартизм не истинны. Но идти дальше этого в критике оуэнизма и чартизма нельзя, это было бы все равно, что стать на их же одностороннюю точку зрения. Каждый из них как моменты становления и развития рабочего движения истинны и непреходящи. Никакое развитие не может изменить нашего представления о конечной цели рабочего движения, высказанное оуэнизмом, равно как никакое развитие не может изменить нашего представления (высказанного чартизмом) о способе осуществления коммунистической идеи посредством объединения рабочего класса в собственную само-

стоятельную партию с целью завоевания политической власти и освобождения труда.

Тут заключен очень важный пункт для понимания отношений между оуэнизмом и чартизмом. Стоило оуэнистам захотеть измерить чартизм с помощью собственной утопической догмы, как чартизм показался им сплошным заблуждением, явлением, не имеющим самостоятельного бытия, особых целей и интересов.

Критика оуэнистами чартизма была поэтому не только ошибочной, но и реакционной. Оуэнисты отнеслись к чартизму с не меньшим страхом, чем правящий класс. В их глазах приход рабочих к власти представлялся разгулом насилия. Ллойд Джонс публично заявлял, что победа чартизма означала бы «убийство, вероломство, конфискацию собственности и уничтожение свобод»⁵, что раньше надо дать рабочим образование, а потом уже думать о власти. Словно слепые, оуэнисты из года в год твердили этот тезис, а во время острых классовых схваток невольно оказывались на стороне так называемой партии порядка. Так, весной 1842 г., в преддверии надвигавшейся всеобщей политической стачки рабочих, оуэнисты созвали свой конгресс, обратились с посланием к правительству, к премьер-министру Пиллю и широким слоям населения, и все ради одного — не допустить, как писал Оуэн в послании к премьер-министру, «открытого восстания народа»⁶.

Когда знакомишься с фактами, характеризующими отношение оуэнистов к чартизму, напрашивается сравнение с поведением нынешних правых социалистов. Но у нас нет никаких оснований смешивать оуэнистов с нынешними правыми социалистами. Последние в своем поведении исходят из защиты капиталистических порядков, тогда как оуэнисты были противниками капитализма. а их неприятие чартизма происходило из неудовлетворительности коммунистической теории Оуэна. К этому надо еще раз напомнить, что реакционность оуэнизма возникла лишь в его отношении к чартизму, а до появления чартизма он сам выражал стремления пробуждающегося к самостоятельной борьбе пролетариата.

Выше мы уже отметили, что коммунистическая идея как бы растворилась в чартизме, как бы исчезла в его внешней реальности, в борьбе масс за Хартию. Поэтому, если мы хотим узнать истинное отношение чартизма к оуэнизму, мы должны прежде всего представить себе сущность чартистской Хартии. Решающее

значение имело то обстоятельство, что Хартия была лозунгом рабочего класса, объединенного в свою собственную, независимую от буржуазии, партию. А это означало, что в Англии, где большинство населения составляли рабочие, а мелкая буржуазия поддерживала их борьбу за Хартию, получение Хартии привело бы к победе чартистов на выборах в парламент и к образованию чартистского правительства. Что таков будет результат завоевания Хартии, не сомневались ни чартисты, ни их противники. Последние, представленные в чартистском движении мощной группой буржуазных радикалов, несколько раз пытались добиться от чартистов замены лозунга Хартии лозунгом всеобщего избирательного права⁷, но безуспешно: всякий раз чартисты разгадывали в этих попытках замыслы буржуа подорвать их самостоятельное движение и продолжали единодушно требовать: «Хартию и ничего меньше».

Теперь, когда рабочие поставили перед собой задачу завоевания политической власти, им понадобилась и социальная программа, осуществимая в данных исторических условиях. Подобно тому, как Хартия ведет свое происхождение от лозунга всеобщего избирательного права, выдвинутого общедемократическим движением начала 30-х годов, так и социальная программа чартистов обязана своим происхождением соответствующим лозунгам того же общедемократического движения, и прежде всего лозунгу справедливой заработной платы за справедливый рабочий день. Тут все и вся, характер лозунгов и требований, их сущность и т. п., зависело от одного пункта: какой класс станет гегемоном в народном движении, в руках какого класса окажется политическая власть, какой класс практически осуществит назревшие преобразования. Если рабочие — то Хартия откроет английскому народу путь к социализму, если буржуазия — то те же преобразования дадут обратный результат, т. е. укрепят капиталистические порядки. Известно, что история решила этот вопрос в пользу английской буржуазии. Отсюда столь противоположны подходы к действительности оуэнистов и чартистов: оуэнист — против классовый борьбы рабочих, он за неприкосновенность английской короны и господства буржуазии в парламенте, он не верит в способность рабочих действовать как класс и в то же время верит в способность имущих классов добровольно отказываться от эксплуататорских доходов в пользу коммунистических преобразо-

⁵ «Notes to the People», 7.II 1852. Античартистские аргументы оуэнистов не были их изобретением, а позаимствованы из арсенала буржуазных партий, с самого начала проявивших враждебность к любым проявлениям самостоятельности рабочих. Ловетт рассказывает, например, что когда в 1831 г. он и другие рабочие стали отстаивать собственные требования в движении за реформу, то пресса обеих буржуазных партий (тори и вигов) с одинаковой ненавистью называла их «разрушителями, мятежниками, карманниками и поджигателями, посягателями на собственность каждого владельца и подрывателями всех устоев закона и порядка».

⁶ «The New Moral World», 25.VI 1842.

⁷ В 1841—1842 гг., например, по всей Англии происходили, на первый взгляд, странные рабочие митинги. Представители двух крупнейших организаций промышленной буржуазии (Лиги против хлебных законов и Бирмингемского политического союза под руководством банкира Стерджа) предлагали рабочим поддержать их лозунг всеобщего избирательного права, а представители чартистской партии предлагали участникам митингов сохранить верность Хартии. Выслушав аргументы обеих сторон, рабочие неизменно голосовали за Хартию. (А. В. Резников. Первая классовая битва пролетариата Англии. 1842. М., 1970, стр. 61—90).

ваний; напротив, чартист — за самое решительное развитие классовой борьбы рабочих, за ликвидацию политического господства буржуазии, он верит в освободительную миссию пролетариата и не верит в прогрессивность имущих классов.

Духом классовой борьбы пронизана вся чартистская пресса, вся чартистская агитация и пропаганда. Для примера сошлемся на официальный документ, подписанный 3,5 миллионами рабочих,— петицию 1842 г. В политической области петиция требовала утверждения Хартии законом страны, причем правящее «безответственное меньшинство» предупреждалось, что рабочие в случае применения против них силы также перейдут к средствам «насилия и революции». На базе Хартии, говорилось далее, государство превратится в средство содействия «счастью всего народа»: в интересах всего народа будет ликвидирован государственный долг, предоставлена свобода Ирландии, отделена церковь от государства. Затем идет изложение специфических требований рабочих, в которых центральное место занимает вопрос об освобождении труда посредством упразднения монополий капиталистов на средства производства. «Земля, машины и средства сообщения не должны больше... быть частной собственностью»⁸,— так определил позицию рабочих в социальном вопросе известный буржуазный историк, современник чартистов, Т. Б. Маколей при обсуждении чартистской петиции в парламенте. И хотя сами чартисты не формулировали столь категорически свои социальные требования, рабочие сознавали сущность последних не хуже Маколея, одобряя на митингах громом оваций широко известные чартистские лозунги: «Политическая власть — наше средство, социальное благоденствие — наша цель» и «Хартия и кое-что больше!».

Рассмотренные нами черты, лежащие в основе отношения между оуэнизмом и чартизмом, показывают, что истину надо искать не в одном из них, а в синтезе и критической переработке положительных моментов, содержащихся в обоих, что сделал в последующем марксизм.

В данной статье говорилось главным образом об отношении коммунистической утопии Оуэна и оуэнизма к чартизму, а об отношении оуэнизма и чартизма к последующему развитию сказано лишь под углом зрения выяснения односторонности их обоих.

**Раздел библиотеки
История идей: "от утопии к науке"
<http://istmat.info/node/29200>**

⁸ «Hansard's Parliamentary Debates», vol. LXIII. London, 1842, p. 47.